

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ: СЕЛЕВК II КАЛЛИНИК И АРШАК I

А. С. Балахванцев

Институт востоковедения Российской академии наук

Поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о результатах похода Селевка II Каллиника против Парфии в 231–230 гг. до н. э. Автор приходит к выводу, что Селевку, вопреки свидетельству Юстина, удалось нанести поражение вождю парнов Аршаку и восстановить свою власть в Парфии.

Ключевые слова: Селевк II, Аршак I, Парфия, Юстин.

Abstract: this paper examines the results of Seleucus II Callinicus' campaign against Parthia in 231–230 BC. The author concludes that contradictory to Justin's account, Seleucus did manage to defeat the Parni forces of Arsaces and reinstate his rule in Parthyene.

Key words: Seleucus II Callinicus, Arsaces I, Parthyene, Justin.

Несмотря на то, что в истории ранней Парфии существует много спорных вопросов, ход и результаты войны между Аршаком I и Селевком II явно не входят в их число. Обычно считается, что поначалу Каллиник имел успех и даже заставил вождя парнов Аршака бежать к апасиакам, но затем парфянам все же удалось разбить селевкидского монарха, которому из-за вновь возникших волнений пришлось вернуться домой, а Парфия утвердила свою независимость [1, р. 43; 2, р. 230; 3, р. 65; 4, с. 45; 5, р. 59]¹.

Однако уже В. Тарн, обратив внимание на присутствие даев, частью которых были парны, в составе армии Антиоха III в битве при Рафии (Polyb. V. 79. 3), пришел к выводу, что вплоть до 217 г. до н. э. Селевкиды имели доступ к даям [7, р. 576]. Впоследствии к мнению В. Тарна присоединился Х. Шмитт [8, S. 64]. И. Вольский пошел еще дальше и предположил, что в результате своего похода Селевк II сделал Аршака вассалом и заставил его поставлять войска в селевкидскую армию [9, S. 245, 251, anm. 152]. Но эта гипотеза получила очень ограниченную поддержку [10, р. 299, n. 3; 11, р. 26; 12, р. 285]. Другие ученые подвергли данное предположение критике [8, S. 63, anm. 1; 13, р. 49; 14, р. 210–211], и, в конце концов, сам И. Вольский от него отказался, признав, что даи участвовали в битве в качестве простых наемников [15, р. 71, n. 17]. Эта точка зрения имеет довольно длительную историю и широкое распространение [16, р. 586; 17, р. 607; 18, р. 332, n. 52]. Однако насколько она обоснована?

Во-первых, Полибий вовсе не называет даев наемниками, хотя в других местах своего труда (Polyb.

V. 36. 3; 53. 3; 63. 8; 65. 4; 79. 9) он отнюдь не игнорирует эту категорию воинов, употребляя по отношению к ним термины *ζῆνοι* или *μισθοφόροι*.

Во-вторых, еще Э. Бикерман заметил, что Селевкиды всегда имели в своем распоряжении многочисленную конницу и легковооруженную пехоту, но постоянно испытывали недостаток в тяжеловооруженных гоплитах [19, с. 66]. Непонятно, для чего в таком случае Антиоху III могло понадобиться нанимать одну-две тысячи легковооруженных даев. Но если бы такая необходимость и возникла, то гораздо проще было пригласить больше арабов, живущих рядом с театром военных действий, чем посылать вербовщиков за Гирканское море.

В-третьих, даи были вооружены на македонский манер (Polyb. V. 79. 3; 82. 10), тогда как наемники обычно сражались своим собственным оружием [20, р. 17–18].

В-четвертых, даже если предположить, что даи – это все-таки наемники, то каким же образом они могли попасть в армию Антиоха III? Гипотеза В. Тарна о селевкидском контроле над юго-восточным побережьем Каспия, в сущности, ничего не объясняет. Действительно, именно переселение одного из племен дахской конфедерации – парнов во главе с Аршаком – на берега Оха (Сумбара–Атрека) и последующий захват ими селевкидской сатрапии Парфии положили начало Парфянскому государству. Естественно, что даи-парны не могли попасть к Антиоху III без согласия их вождя Аршака. Но как мог Аршак позволить своим соплеменникам стать селевкидскими наемниками? Вождь парнов, сам осмелившийся вторгнуться в Парфию лишь после поражения Селевка II под Анкирой в 238 г. до н. э. [21,

¹ Более раннюю литературу см.: [6, с. 200–201, примеч. 3].

© Балахванцев А. С., 2015

с. 17–20], хорошо понимал, что любое усиление Селевкидов на Западе неизбежно создает для него угрозу; напротив, их неудачи в Келесирии и Малой Азии развязывают ему руки для новых территориальных захватов.

Единственное разумное объяснение в данной ситуации может быть следующее: Аршаку пришлось послать своих воинов в армию Антиоха III или, что гораздо менее вероятно, разрешить ему набирать наемников в Парфии. Поскольку Аршак действовал явно против своих собственных интересов, то естественно сделать вывод о существовании соответствующего договора между Аршаком и Селевкидами и о вассальной зависимости первого от последних. Когда же мог быть заключен такой договор?

Первые годы правления Антиоха III вплоть до битвы при Рафии были заполнены борьбой с восставшим мидийским сатрапом Молоном и войной с Птолемеем IV за Келесирию. Военно-политические интересы старшего брата и предшественника Антиоха, Селевка III, были целиком сосредоточены в Малой Азии. Остается предположить, что такой договор мог быть подписан в результате восточного похода Селевка II.

Таким образом, в нашем распоряжении оказываются две версии парфяно-селевкидской войны. На первый взгляд, концепция безрезультатности восточной кампании Каллиника выглядит более основательно: ее сторонники основываются на скупых строчках эпитомы Трога (Iust. XLI. 4. 9 – 5. 1), замечании Страбона (Strabo. XI. 8. 8), сообщении Исидора Харакского (Isid. Char. Mans. Parth. 11) и подкрепляют данные нарративных источников нумизматическим материалом. Следует, однако, заметить, что в арсенале логических построений с целью доказать победу Аршака присутствуют аргументы весьма разного достоинства: как достаточно веские, заслуживающие самого пристального рассмотрения, так и явно надуманные, противоречащие очевидным фактам. Но история науки показывает, что самый сомнительный довод тотчас приобретает статус самого серьезного и даже неопровержимого, если оставить его без внимания. Поэтому для того, чтобы подтвердить или опровергнуть господствующую точку зрения, необходимо разобрать все ее составляющие.

Начнем с нумизматики. Еще 60 лет назад Э. Т. Ньюэлл отметил сходство между первыми, как он полагал, аршакидскими монетами и выпусками одного селевкидского монетного двора, предположительно отождествленного им с Гекатомпиллом и прекратившего свою работу в правление Селевка II. По мнению исследователя, это сходство получает свое объяснение, если парфянские монеты были выпущены в Гекатомпиле после того, как он стал столицей Парфянского царства, в продолжение и в подражание предыдущей селевкидской чеканке [22, p. 256, n. 14].

Нам уже доводилось приводить аргументы против этой гипотезы, показывающие необоснованность гекатомпильской локализации [6, с. 205–208]. Аналогичного мнения в настоящее время придерживаются и другие специалисты по селевкидской нумизматике [2, p. 213; 23, S. 29–33]. Поэтому прекращение чекана Селевка II на этом неизвестном монетном дворе никак не было связано с захватом Гекатомпила парнами.

Теперь перейдем к сообщению Исидора Харакского о коронации Аршака I в Асааке. В свое время Г. А. Кошеленко весьма убедительно доказывал, что оно хорошо подтверждается данными нумизматики, а именно, выпуском Аршаком I драхм с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ [24, с. 64–65]. Однако после находки клада из Буджнурда стало ясно, что Аршак I чеканил лишь драхмы с греческой легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ (типы 1 и 2) и греко-арамейской ΑΡΣΑΚΟΥ krny (типы 3 и 4). Драхмы с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ начинает выпускать только Митридат I (тип 9)². Таким образом, информация Исидора Харакского не только не подтверждается нумизматическим материалом, но и полностью ему противоречит. Как и в чью пользу можно разрешить данное противоречие?

Предположение о том, что Аршак I был провозглашен царем, но никак не отметил это на своих монетах, выглядит абсолютно беспрецедентным и невероятным. Действительно, из диадохов после 306–305 гг. до н. э. только Антигон Монофталм, считая себя единственным законным наследником Александра Македонского, сохранил прежний александровский тип чеканки и не поместил на монетах своего имени с царским титулом³. Но все остальные диадохи, принимавшие царский титул в противовес Антигону и в знак своей полной от него независимости, сразу же отразили этот важнейший политический шаг в своих эмиссиях [27, p. 60, 65, 71]. Даже Деметрий Полиоркет последовал в этом отношении примеру не своего отца, а его соперников [Ibid., p. 78]. Таким же образом вели себя и правители Понта и Каппадокии [Ibid., p. 131–132]: принимая царский титул, они стремились немедленно сообщить об этом миру посредством монет. Единственным исключением явля-

² См.: [25, p. 116–118]. Недавно Г. А. Кошеленко предпринял попытку пересмотреть схему Д. Селлвуда и включить в первый этап чеканки Аршака I как типы 5.1 и 6.1 с изображением лучника, сидящего на стуле, так и типы 7.1 и 8.1, на реверсе которых находится изображение лучника, сидящего на омфале [26, с. 139–140]. К сожалению, ученый не учел полного отсутствия монет с омфалом в составе Буджнурдского клада, а также не обратил внимания на метрологические и технические различия между двумя группами монет, что делает невозможным их одновременное хождение в Парфии [25, p. 109–111, 119].

³ См.: [27, p. 61]. Противоположное мнение: [28, p. 174–175].

ется Аттал I Пергамский, сохранивший и после 236 г. до н. э. на своих монетах имя Филетера [Ibid., p. 129]. Однако аналогия между Атталом и Аршаком совершенно неуместна: если первый действовал так явно из пиетета перед памятью первого представителя династии Атталидов, то у Аршака явно не было причин испытывать такое же уважение к своему старому титулу «избранный военачальник».

В сообщении Исидора Харакского вызывает сомнение и еще одна деталь: вечный огонь, который, по мнению Г. А. Кошеленко, был возжен в момент коронации [29, с. 214–215]⁴. Возжигание вечного огня в честь коронации царя является одной из примечательных черт зороастризма. Однако в культуре завоевателей-парнов, известной нам исключительно по погребальному обряду и монетным изображениям [14, p. 211, n. 25; 30, с. 83–84], влияние зороастризма или иранизма практически не ощущается. Попытки ряда исследователей отыскать это влияние по меньшей мере спорны [6, с. 210, прим. 57]. Поэтому упоминание о существовании коронационного храма огня в Парфии в III в. до н. э. выглядит настоящим анахронизмом. Гораздо логичнее отнести возникновение этого храма к рубежу II–I вв. до н. э., когда влияние иранизма в парфянской государственной идеологии резко возрастает. Именно тогда Митридат II принимает ахеменидский титул «царь царей», и начинает формироваться еще не известная источнику Помпея Трога – Аполлодору Артемидскому – легенда о происхождении Аршакидов от Ахеменидов [31, с. 91–92].

Ввиду вышеизложенного следует сделать решительный выбор в пользу свидетельства монет самого Аршака I и отказать в доверии сообщению Исидора Харакского, информация которого о событиях уже далекого для него парфянского прошлого основывается лишь на местных слухах и преданиях, а не на строго документированных фактах.

Итак, Аршак I никогда не имел царского титула⁵. Этому никак не противоречит то обстоятельство, что голова Аршака увенчана диадемой, так как данная

инсигния присутствует на монетных изображениях и тех правителей, которые заведомо не были царями [33, с. 532–533].

Но что могло помешать основателю Парфянского государства провозгласить себя царем? В эллинистическую эпоху принятие царского титула было всегда следствием победы над бывшим сюзереном или царственным соперником и выражало идею полного суверенитета [29, с. 214–215; 34, p. 77]. Поэтому отсутствие титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ позволяет усомниться в справедливости категоричного замечания Юстина о победе Аршака над Селевком II (Iust. XLI. 4. 9)⁶, тем более что оно полностью противоречит свидетельству Страбона о победе Селевка II и бегстве Аршака к апасиакам [14, p. 168; 36, S. 300]. Исследователям, прибегающим к контаминации этих двух источников, приходится либо предполагать помощь Аршаку со стороны апасиаков [37, p. 48] или Диодота II [1, p. 35; 34, p. 82;], либо объяснять отступление Селевка II «novis motibus in Asiam» (Iust. XLI. 5. 1).

К «союзникам» Аршака мы еще вернемся, а пока разберем, какие трудности в тылу могли заставить Селевка II вернуться назад. Прежде всего заметим, что упоминание Юстином Азии полностью исключает вариант с восстанием тетки царя Стратоники в Антиохии: в эпитоме Помпея Трога под «Азией» всегда понимается или часть света, или только Малая Азия, но ни в коем случае не Сирия⁷. К тому же нет никаких доказательств того, что восстание Стратоники⁸ произошло во время парфянского похода Селевка II. Более того, согласно сохраненному Иосифом Флавием свидетельству Агафархида, Стратоника начала свой мятеж, когда Селевк II «готовил войско Вавилона»⁹. Это сообщение согласуется с данными клинописных источников, согласно которым в 238–235 гг. до н. э. Селевку пришлось столкнуться с восстаниями вавилонских солдат [41, p. 150; 42, p. 9]. Следовательно, выступление Стратоники можно датировать около 235 г. до н. э. [41, p. 150; 43, p. 61]. Но тогда она никак не могла повлиять на итоги парфян-

⁴ Однако из текста вовсе не следует, что огонь был возжен в момент коронации Аршака I: ...φυλάττεται ἐνταῦθα πῦρ ἀθάνατον означает только, что вечный огонь хранился в Асаке во времена Исидора Харакского.

⁵ Неоднократные заявления Юстина о том, что Аршак стал царем (Iust. XLI. 2. 1; 5. 5, 7, 8), заслуживают доверия не больше, чем свидетельство Исидора Харакского. К тому же Юстин обращается с термином «царство» слишком свободно, именуя так даже селевкидскую сатрапию Гирканию (Iust. XLI. 4. 8). Свидетельство Полибия о наличии в гирканском городе Тамбраке дворца (Polyb. X. 31. 5), вопреки мнению Г. А. Кошеленко [24, с. 57], еще ничего не говорит о статусе Аршака: во-первых, дворец мог принадлежать одному из прежних ахеменидских или селевкидских царей (Diod. XVII. 78. 4; Curt. VI. 5. 22; Arr. Ind. 39. 3); во-вторых, хозяином βασιλεία мог быть и сатрап (Xen. Anab. I. 2. 7, 4. 10; IV. 4. 7). См. также: [32, p. 82].

⁶ Сомнения в победе Аршака высказывались и ранее: [7, p. 576; 10, p. 322, n. 3; 15, p. 68; 35, p. 215].

⁷ Наиболее отчетливо это видно в следующих местах: Iust. XXXI. 7. 8; XXXVI. 4. 1; XLI. 4. 7; XLII. 4. 7.

⁸ Судя по тому, что оно никак не отразилось на работе антиохийского монетного двора [2, p. 253–256], мятеж носил явно эфемерный характер. Некоторые авторы выдвигают бездоказательные и алогичные предположения о союзе Стратоники и Антиоха Гиеракса [2, p. 230, 292; 36, S. 302; 38, p. 274–276; 39, p. 264;], которые к тому же совершенно неприемлемы с точки зрения хронологии.

⁹ Jos. Flav. Ap. I. 207. ποιούμενον [δέ] τὴν ἀπὸ βαβυλώνος στρατίαν αὐτοῦ... Я предпочитаю следовать здесь не конъектуре И. Беккера – στρατείαν, принятой в издании Б. Низе, а рукописному чтению, сохраненному в манускрипте XI в. (cod. Laurentianus plut. 69 cod. 22) и латинской версии [40, p. V, 37].

ского похода, который ее племянник предпринял несколько лет спустя.

Остается младший брат Селевка Антиох Гиеракс. Разумеется, его вторжение в Месопотамию (Trog. Prol. 27) могло заставить царя принять решение о срочном возвращении домой. Но совпадали ли два этих события во времени? Нам уже приходилось писать [6, с. 212, прим. 69], что месопотамский рейд Антиоха (Polyaen. IV. 17) относится к начальному этапу «Войны братьев» (241–240 гг. до н. э.). Однако уже после выхода этой статьи в свет были выдвинуты новые аргументы в поддержку датировки вторжения Гиеракса 227 г. до н. э. Анализируя работу селевкидских монетных дворов, А. Хуктон и К. Лорбер пришли к выводу о существовании в Восточной Киликии неизвестного монетного двора 37, на котором последовательно чеканились монеты Селевка II, Антиоха Гиеракса и снова Селевка II, причем характерным признаком последней эмиссии был портрет царя с длинной бородой, введенный только после парфянского похода. Авторы объяснили это обстоятельство тем, что во время своего вторжения в Месопотамию в 227 г. до н. э. Антиох захватил этот двор, но затем быстро его потерял [2, р. XXVI, 231, 250–251, 293].

Однако насколько обосновано существование самого монетного двора? Действительно, тетрадрахмы Антиоха Гиеракса, якобы выпущенные этим двором между сериями 1 и 2 Селевка II, выполнены в нормальном рельефе и имеют слегка изогнутые диски, в то время как портрет Селевка II в серии 2 выполнен в исключительно высоком рельефе [Ibid., р. 324]. Если учесть тот факт, что приписанные этому же двору тетрадрахмы Селевка III имеют широкие плоские диски [Ibid., р. 332], то столь явное отсутствие какой-либо преемственности в технике изготовления монет не позволяет считать их продукцией одного двора. А. Хуктон и К. Лорбер пытаются парировать этот аргумент указанием на наличие общих монограмм на монетах обеих серий Селевка II, Антиоха Гиеракса и Селевка III [Ibid., р. 324, 332]. Однако между сериями 1 Селевка II и последующими выпусками связи по монограммам отсутствуют. Что же касается монет серии 2 Селевка II, Антиоха Гиеракса и Селевка III, то их объединяет лишь одна монограмма, состоящая из греческих букв *альфа* и *ро*. Ущербность этого довода видна из того, что такая же монограмма использовалась при Селевке II в Экбатанах, при Селевке III – в Антиохии, а при Антиохе III – на неизвестном монетном дворе 68 в Северной Месопотамии [2, р. 285, 334, 431–432]. Употребление одинаковых монограмм в различных центрах имело весьма широкое распространение и обычно объяснялось перемещением ответственных за выпуск монеты чиновников с одного двора на другой [Ibid., р. 239, 251]. Все это позволяет считать, что версия

вторжения Антиоха Гиеракса в Месопотамию в 227 г. до н. э. не имеет под собой никаких нумизматических оснований.

Еще хуже эта версия согласуется с тем, что нам известно об истории последних лет жизни Антиоха. После своего поражения от Аттала I у Афродисия около 230 г. до н. э. Гиеракс удалился в Вифинию, царство своего тестя Зиела, и оставался там до смерти последнего в 229 г. до н. э. В том же году Антиох вторгся со своей армией в Северную Мисию (Геллеспонтскую Фригию), но уже зимой 229 г. до н. э. был разбит Атталом I. Весной 228 г. до н. э. пергамская армия нанесла ему новое поражение в Лидии, а зимой того же года – в Карики [44, р. 738–739, п. 24]. Поход разбитого наголову Гиеракса через всю Малую Азию и его вторжение в Месопотамию в этих условиях выглядит абсолютно невероятным и полностью противоречит источникам, в которых под первым годом 138 Олимпиады (228/7 г. до н. э.) отмечается поражение Антиоха Гиеракса в Карики, его побег во Фракию и наступившая там смерть. При этом Евсевий не упоминает о вторжении Антиоха в Месопотамию (Eus. Chron. I. 251).

Прежде чем вынести окончательное суждение о сравнительной ценности информации, сообщаемой нам Трогом – Юстином и Полибием по данному вопросу, необходимо заметить следующее: упоминание Полибием даев в составе армии Антиоха III в битве при Рафии тем более важно, что оно носило случайный, непредумышленный характер. Действительно, трудно вообразить, будто Полибий выдумал участие даев для того, чтобы косвенным образом польстить Селевку II, царствование которого вообще осталось за рамками его труда.

Другое дело – Трог. В литературе уже неоднократно отмечался тот факт, что, излагая события раннепарфянской истории с опорой на Аполлодора Артемидского, он передает официальную парфянскую традицию, и в этом заключается ценность его труда [45, р. 16; 46, с. 31; 47, S. 456; 48, р. 13]. Однако к историческим источникам, как и к людям, вполне применима фраза: «Их недостатки являются продолжением их достоинств». Именно официальный характер версии, передаваемой Трогом – Юстином, предопределяет то обстоятельство, что история в ней предстает такой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитываются в той степени, в которой они не противоречат желаемому. Совершенно естественно, что в официальной истории Аршак I, основатель династии Аршакидов и Парфянского государства, просто не мог потерпеть поражение. Он, как и жена Цезаря, должен был быть выше всяких подозрений.

Кроме этого, необъективному освещению результатов похода Селевка II в труде Юстина благоприят-

ствовало еще одно обстоятельство. Дело в том, что Юстин любил нагромождать то на одного, то на другого эллинистического правителя всевозможные бедствия и напасти [49, с. 217–222; 50, р. 230, 268]. Именно таким правителем, «игралищем судьбы» (Iust. XXVII. 2. 5) выступает в эпитоме Помпея Трога Селевк II. Он терпит бесконечные поражения от Птолемея III и Антиоха Гиеракса, буря уничтожает его флот, а в конце жизни Каллиник даже теряет свое царство и становится изгнанником. Ввиду этих обстоятельств приходим к заключению, что данные Юстина о поражении Селевка II в войне с парфянами не заслуживают никакого доверия.

Как же разворачивались события в действительности? На основе произведенного выше анализа источников и полученных промежуточных выводов можно нарисовать следующую картину: после поражения под Анкирой в 238 г. до н. э. Селевк II круто изменил направление своей политики. Предоставив возможность Антиоху Гиераксу, Атталу I Пергамскому и галатам истреблять силы друг друга в изнурительной борьбе за Малую Азию, Каллиник стал прилагать отчаянные усилия для стабилизации обстановки внутри царства, уделяя особое внимание восточным областям¹⁰. Ему удалось подавить военные мятежи в Вавилоне в июне–июле 238 г. до н. э. [52, No.-237 Obv. 13'] и сентябре–октябре 235 г. до н. э. [52, No.-234 Obv. 13']¹¹. И лишь после того, как ситуация в Месопотамии была нормализована, сложились благоприятные условия для похода против Аршака.

Как можно датировать эту войну? Старая точка зрения [36, S. 300–301; 53, S. 166; 54, с. 78; 55, с. 186], согласно которой столкновение между Аршаком I и Селевком относится к 238–237 гг. до н. э., представляет теперь только историографический интерес. Обычно поход Каллиника помещают между 232 и 228 гг. до н. э. [9, S. 251, anm. 152; 48, р. 18; 56, р. 722; 57, р. 13; 58, S. 19; 59, S. 19; 60, с. 344], однако эти рамки можно сузить. Судя по тому, что в феврале 229 г. до н. э. Селевк II вместе со своими сыновьями находился в Вавилоне [52, No.-229 B 'Obv. 10'], война с Аршаком к этому времени уже закончилась.

Возможно, момент отправки войск – 9 октября 231 г. до н. э. – зафиксировала разбитая клинописная табличка [Ibid., No.-230 A 'Rev. 11']. К этому времени Аршак успел уже захватить не только Парфиену, но, если здесь можно доверять Юстину, и Гирканию, а также заключить мирный договор с бактрийским царем Диодотом II (Iust. XLI. 4. 8–9). Однако Аршак

все-таки был разбит Селевком, потерял захваченные земли и бежал к апасиакам (Strabo. XI. 8. 8), жившим, как указывает Полибий (Polyb. X. 48. 1), к северу от Окса–Узбоя [14, р. 207; 48, р. 18–20, 40–43; 61, с. 205–206]. Судя по тому, что Аршаку пришлось бежать так далеко на север, селевкидская армия дошла как минимум до Оха–Атрека.

Тем не менее особенно рассчитывать на помощь апасиаков Аршаку не приходилось, так как не исключено, что именно из-за борьбы с последними парнам пришлось в середине III в. до н. э. уйти из Южного Приаралья в долину Оха (Iust. XLI. 1. 9–10). Положение Аршака становилось критическим. Он вполне мог разделить судьбу Спитамена, убитого теми, у кого тот думал найти спасение (Agt. Anab. IV. 17. 7). Диодот II вовсе не собирался спешить на помощь своему незадачливому союзнику: ведь весь смысл договора с Аршаком заключался для бактрийского царя в том, чтобы чужой кровью защитить себя и свое царство¹². Но при этом и Селевк II не мог надолго задерживаться в Парфии: на Западе, как мы уже видели, складывались благоприятные условия для возобновления борьбы за Малую Азию.

Однако и просто уйти без закрепления своей победы Каллиник тоже не хотел. Поэтому он пошел на заключение весьма выгодного для себя договора с Аршаком. На условия этого соглашения может пролить свет беглое замечание Полибия, согласно которому во время восстания Молона в 222 г. до н. э. вождь мятежников подкупом снискал благосклонность со стороны «глав соседних сатрапий»¹³. Если учесть, что сам Молон был сатрапом Мидии, а его брат и сообщник Александр – Персии (Polyb. V. 40. 7), что к северу от Мидии находилась не зависящая от Селевкидов Мидия Атропатена (Polyb. V. 55), что Молон силой захватил примыкавшие к Мидии с запада и юга Аполлониатиду, Сузиану (кроме акрополя Суз), Вавилонию, область у Эритрейского моря, Селевкию-на-Тигре, Месопотамию и Паропотамию (Polyb. V. 43. 8; 46. 7; 48. 12–14, 16), то, казалось бы, не остается ничего другого, как предположить, что к сатрапам, соблюдавшим по отношению к Молону дружественный нейтралитет, относились как минимум наместники Парфии и Кармании¹⁴.

¹² Некоторые утверждения [1, р. 35; 34, р. 82] о помощи Аршаку со стороны Диодота II не только голословны, но и прямо противоречат тексту Юстина, который подчеркивает, что договор с Диодотом не гарантировал Аршаку получение военной помощи, а лишь избавлял последнего от угрозы с востока. По сути, это был только пакт о ненападении.

¹³ Polyb. V. 43. 6. τὰς παρακείμενας σατραπείας... τὸν προεστῶτον...

¹⁴ На принадлежность Кармании Селевкидам указывает не только участие ее обитателей в битве при Рафии (Polyb. V. 79. 3, 7; 82. 12), но и указание Полибия на то, что возвращение Антиоха III с армией в Карманию означало завершение всего восточного похода 209–206 гг. до н. э. (Polyb. XI. 34. 13–14).

¹⁰ Нелишним будет заметить, что, согласно недавней находке надписи Селевка II в Систане [51, р. 265–268], в состав владений Каллиника входила даже Дрангиана.

¹¹ Предположение о том, что это восстание было поднято сторонниками Антиоха Гиеракса [41, р. 150], не находит никакой опоры в источниках.

Однако данное свидетельство Полибия получило в литературе совсем другую трактовку. Так, Х. Шмитт считал, что под термином «сатрапии» скрываются бывшие селевкидские провинции, которые уже отпали [8, S. 123]. Такая интерпретация слов Полибия нашла поддержку у Дж. Ма, увидевшего в них доказательства того, что «независимые княжества Атропатена, Парфия и Бактрия все еще упоминались Селевкидами как сатрапии» [62, p. 30]. Но можно ли считать Полибия столь небрежным в отношении терминологии или столь ангажированным в плане политики?

В своем сочинении Полибий именует области державы Селевкидов к востоку от Евфрата то «верхними сатрапиями» (Polyb. V. 41. 1, 48. 12, 54. 13), то «верхними областями» (Polyb. V. 40. 5, 46. 5). Говоря же о планируемых Антиохом III походах против владык варваров¹⁵, живущих «над его собственными и пограничными с ними сатрапиями»¹⁶, Полибий употребляет только выражение «верхние области» (Polyb. V. 55. 3–4). Оно же используется Полибием при подведении итогов «анабасиса» Антиоха III в 209–206 гг. до н. э. (Polyb. XI. 34. 14). Таким образом, у нас нет ни одного случая, когда Полибий называет заведомо не принадлежащие Селевкидам области «сатрапиями», а их правителей – «сатрапами»¹⁷. Более того, области Артабазана и Ксеркса даже именуются «царствами» (Polyb. V. 55. 9; VIII. 25. 2). Точно так же не умалчивает Полибий и о царских титулах Евтидема (Polyb. XI. 34. 1, 3, 9) и Софагасена (Polyb. XI. 34. 11).

Из всего сказанного выше следует, что замечание Полибия (Polyb. V. 43. 6) действительно свидетельствует о наличии в 222 г. до н. э. в Парфии селевкидского сатрапа, который вернулся туда в соответствии с условиями договора 230 г. до н. э. Кроме этого, Аршак был вынужден признать вассальную зависимость и принять обязательство поставлять воинов в селевкидскую армию. Взамен Селевк II разрешил вождю парнов остаться на берегах Оха. В честь своей победы Каллиник выпустил в Сузах и Экбатанах серию монет, на реверсе которых было помещено характерное оружие кочевников: лук в

горите и колчан со стрелами [2, p. 799, 813, 822–824]. Период первого селевкидского господства над парнами продолжался не менее 12 лет вплоть до поражения Антиоха III в битве при Рафии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lerner J. D. The impact of Seleucid decline on the Eastern Iranian Plateau : the foundations of Arsacid Parthia and Graeco-Bactria / J. D. Lerner. – Stuttgart, 1999.
2. Houghton A. Seleucid Coins / A. Houghton, C. Lorber // A Comprehensive Catalogue. – New York. – London, 2002. – Pt. I, Vol. I.
3. Wolski J. Seleucid and Arsacid Studies / J. Wolski. – Kraków, 2003.
4. Абдуллаев К. Монета Диодота из Муминабада / К. Абдуллаев, А. Бердимуратов // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. – Ташкент, 2010.
5. Engels D. A New Frataraka Chronology / D. Engels // Latomus. – 2013. – T. 72.
6. Балахванцев А. С. Селевк II Каллиник и Парфия / А. С. Балахванцев // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. – Казань, 2000.
7. Tarn W. W. Parthia / W. W. Tarn // The Cambridge Ancient History Cambridge, 1932. – Vol. IX.
8. Schmitt H. H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit / H. H. Schmitt. – Wiesbaden, 1964.
9. Wolski J. Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran in 3. Jahrhundert v. Chr. (1947) / J. Wolski // Der Hellenismus in Mittelasiien. – Darmstadt, 1969.
10. Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes / G. Le Rider. – Paris, 1965.
11. Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East / M. Pfrommer. – Malibu, 1993.
12. Drijvers J. W. Strabo on Parthia and the Parthians / J. W. Drijvers // Das Partherreich und seine Zeugnisse : Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996). – Stuttgart, 1998.
13. Bar-Kochva B. The Seleucid army / B. Bar-Kochva. – Cambridge, 1976.
14. Frye R. N. The History of Ancient Iran / R. N. Frye. – München, 1984.
15. Wolski J. L'empire des Arsacides / J. Wolski. – Louvain, 1993.
16. Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques / M. Launey. – Paris, 1949.
17. Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius / F. W. Walbank. – Oxford, 1957. – Vol. I.
18. Foulon É. Contribution à une taxinomie des corps d'infanterie des armées hellénistiques / É. Foulon // Les Études Classiques. – 1996. – T. 64.
19. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Э. Бикерман. – М., 1985.
20. Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC / N. Sekunda. – Dewsbery, 1994. – Vol. 1.

¹⁵ В число τῶν δυναστῶν входили правитель Мидии Атропатены Артабазан и, возможно, неизвестный нам по имени царь Софены (Polyb. VIII. 25. 4). Поход против сына последнего – Ксеркса – был предпринят Антиохом только в 212 г. до н. э.

¹⁶ Polyb. V. 55. 1. τοὺς ὑπερκεκμένους ταῖς αὐτοῦ σατραπείαις καὶ συνοροῦντας...

¹⁷ Под упоминающимися в общем перечне подчиненных Антиохом сатрапами «верхних областей» (Polyb. XI. 34. 14), конечно, имеются в виду не Аршак, Евтидем или Софагасен, а те селевкидские сатрапы Востока, которые после 217 г. до н. э. не проявили по отношению к своему повелителю должной лояльности.

21. Балахванцев А. С. Аршак I или Андрагор : кто был основателем Парфянского государства? / А. С. Балахванцев // Восток (Oriens). – 2013. – № 3.
22. Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III / E. T. Newell. – New York, 1938.
23. Ehling K. Eine seleukidische Münzstätte in Areia (Artakoana/Alexandreia). Zu E. T. Newell ESM Nr. 727–745 / K. Ehling // Schweizerische Numismatische Rundschau. – 1997. – Bd. 76.
24. Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии / Г. А. Кошеленко // Вестник древней истории. – 1968. – № 1.
25. Abgarians M. T. A Hoard of Early Parthian Drachms / M. T. Abgarians, D. G. Sellwood // The Numismatic Chronicle. – 1971. – Vol. 11.
26. Кошеленко Г. А. Монеты первых парфянских царей / Г. А. Кошеленко // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II.
27. Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage : From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 BC) / O. Mørkholm. – Cambridge, 1991.
28. Hammond N. G. L. A history of Macedonia / N. G. L. Hammond, F. W. Walbank. – Oxford, 1988. – Vol. III.
29. Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии / Г. А. Кошеленко // История Иранского государства и культуры. – М., 1971.
30. Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) / Д. С. Раевский // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977.
31. Балахванцев А. С. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемидского / А. С. Балахванцев // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. – Казань, 2009.
32. Sherwin-White S. From Samarkhand to Sardis : A New Approach to the Seleucid Empire / S. Sherwin-White, A. Kuhrt. – Berkeley ; Los-Angeles, 1993.
33. Балахванцев А. С. Приложение VI. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина / А. С. Балахванцев // Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) / Б. А. Литвинский. – М., 2010. – Т. 3 : Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты.
34. Bickerman E. Notes on Seleucid and Parthian Chronology / E. Bickerman // Berytus. – 1944. – Vol. VIII (2).
35. Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam / R. Ghirshman. – Paris, 1976.
36. Droysen J. G. Geschichte des Hellenismus. Bd. III / J. G. Droysen. – Tübingen, 1953.
37. Rawlinson G. The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History and Antiquities of Parthia / G. Rawlinson. – London, 1873.
38. Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides / A. Bouché-Leclercq. – Paris, 1913. – Т. 1.
39. Green P. Alexander to Actium : The Historical Evolution of the Hellenistic Age / P. Green. – Berkeley ; Los-Angeles, 1990.
40. Flavii Iosephi opera edidit Benedictus Niese. – Berolini, 1955. – Vol. V.
41. Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon / T. Boiy. – Leuven ; Paris ; Dudley, 2004.
42. Boiy T. Royal and satrapal armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors* on the events during the seventh year of Philip Arrhidaeus (=317/316 BC) / T. Boiy // The Journal of Hellenic Studies. – 2010. – Vol. 130.
43. Grainger J. D. A Seleukid Prosopography and Gazetter / J. D. Grainger. – Leiden, 1997.
44. Magie D. Roman Rule in Asia Minor / D. Magie. – Princeton, 1950. – Vol. II.
45. Bickerman E. The Parthian Ostrakon № 1760 from Nisa / E. Bickerman // Bibliotheca Orientalis. – 1966. – J. XXIII. – № 1–2.
46. Кошеленко Г. А. Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском острате № 1760) / Г. А. Кошеленко // История и культура народов Средней Азии. – М., 1976.
47. Wolski J. Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte / J. Wolski // Klio. – 1976. – Bd. 58.
48. Gardiner-Garden J. R. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians / J. R. Gardiner-Garden. – Bloomington, 1987.
49. Соколов Ф. Ф. Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского / Ф. Ф. Соколов // Труды Ф. Ф. Соколова. – СПб., 1910.
50. Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J. C.) / É. Will. – Nancy. – 1966. – Т. 1.
51. Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum) / G. Rougemont. – London, 2012.
52. Sachs A. J. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia / A. J. Sachs, H. Hunger. – Wien, 1989. – Vol. II.
53. Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Bd. II / B. Niese. – Gotha, 1899.
54. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства / М. Е. Массон // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1955. – Т. 5.
55. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим / А. Г. Бокщанин. – М., 1960. – Ч. 1.
56. Tarn W. W. The struggle of Egypt against Syria and Macedonia / W. W. Tarn // The Cambridge Ancient History. – Cambridge, 1928. – Vol. VII.
57. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago / N. C. Debevoise. – London, 1969.
58. Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. II / F. Altheim. – Halle, 1948.
59. Schippmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte / K. Schippmann. – Darmstadt, 1980.

60. Зеймаль Е. В. Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н. э.) / Е. В. Зеймаль // История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – Т. 1.

61. Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-

Гардена) / И. В. Пьянков // Вестник древней истории. – 1994. – № 4.

62. Ma J. Antiochos III and the cities of Western Asia Minor / J. Ma. – Oxford, 1999.

Институт востоковедения Российской академии наук

Балахванцев А. С., кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Древнего Востока

E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Тел.: 8-916-272-61-53

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Balakhvantsev A. S., Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Ancient Orient Department

E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Tel.: 8-916-272-61-53